

УДК 882
ББК 83.3(2)

**«И поживайте как – царrrr!..»:
комические средства
речевой характеристики евреев
у русских писателей XIX в.**

Константин Бондарь

Открытый университет Израиля,
Раанана, Израиль

Внештатный лектор, кандидат филологических наук (PhD)

ORCID: 0000-0002-8751-1641

Открытый университет Израиля

Израиль, 4353701, Раанана, Дерех Ха-Университа, 1

Тел.: +972-52-636-66-20

E-mail: kobonko2013@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2021.10

Аннотация: Предметом внимания автора являются речевые средства комического в передаче речи персонажей-евреев у русских писателей XIX в. Среди них можно выделить фонетические (замена шипящих свистящими), лексические (использование полонизмов, идишизмов, диалектизмов, просторечных форм), грамматические (нарушение падежного управления), стилистические (столкновение намерений участников речевой ситуации, омонимические игры и т.д.) приемы. В совокупности они участвуют в создании особого социолекта русской литературы, наряду с арго других социальных или национальных групп.

Ключевые слова: *русская литература, комическое, образы, евреи, речевые средства*

Русская литература стала изображать евреев, вступив в классический период своего развития. Писатели выработали довольно большой круг средств изображения еврейских персонажей и передачи их языкового поведения, которое, в соответствии с идеологическими установками, предполагалось если не отталкивающим, то смешным,

но никак не благородным (последнее – редкое и особенное исключение). Один из наиболее видных авторов, введших в свои произведения евреев, Ф.В. Булгарин, сам укорял цензурные правила 1830-х гг. за то, что в них «жиды не могут и не должны быть добродетельными». В соответствии с этими представлениями строился и набор литературных приемов. Вот что наблюдается в «низких» жанрах:

«Ярмарка в Бердичеве», или «Завербованной жид»

Препотешной разнохарактерной, комической пантомимной дивертисман, с принадлежащими к оному разными танцами, ариями, мазуркою, русскими, тирольскими, камаринскими, литовскими, казачскими и жидовскими плясками [Вайскопф 2008, 62].

Простонародный тип веселья представлен анекдотами о евреях (их собирателем был В.И. Даль), водевилями типа «Забавных приключений четырех жидков в Хохландии» И.П. Ильина (Москва, 1844). Поэзия такого рода существовала в низовой культуре десятилетиями, что подтверждается, например, двадцатью изданиями (между 1837 и 1904) «Сказки о мельнике-колдуне, хлопотливой старухе, о жидках и батраках» «народного» поэта Егора Алипанова [Вайскопф 2008, 170].

Согласно М.Я. Вайскопфу, для эпохи 1820–1830-х гг. характерна «бегло пренебрежительная (чаще шаржированная, реже – благодушная) рисовка эпизодических еврейских фигур, особенно современных: извозчиков, портных, цирюльников, мелких торговцев, шинкарей» [Вайскопф 2008, 144]. Указанный исследователем социальный ряд чрезвычайно важен: именно в нем, по-видимому, стоит искать типологические параллели и объяснение рассматриваемому поэтико-стилистическому явлению.

Итак, в репертуаре писателей и той поры, и более поздних эпох наблюдаются следующие приемы.

Фонетические искажения русской речи, призванные показать или подчеркнуть отчужденность, малообразованность персонажей, вызвать насмешку у читателя. Сюда относится прежде всего замена шипящих свистящими и [ц]. Этот прием настолько продуктивен, что им пользовались на протяжении полувека, начиная с Ф.В. Булгарина: *наси зиды*; «денег такая куца, что он, верно, и сосчитать не

умеет»; «как *можно*, сударь, *чтобы цестные* люди торговали контрабандою» (и ряд других примеров из прозаических сочинений) [Фризман 2015, 52]. Писатель использовал комичную замену и в публицистике; так, в редакционной статье «Северной пчелы» он поучает «отсталых» евреев империи: «...вообще в Германии евреи заводят школы и стараются сравняться с прочими обитателями Европы. Что на это скажут наши польские *зидки*?» [Вайскопф 2008, 64]. Далее мы встречаемся с этим приемом у Р.М. Зотова:

Повесить? За *что* же, *боже* мой?.. Да по какой же *прищине*? Мы же люди торговые: *что* потребуют, то и продаем. А кому и *зацем* товар – не насе же дело.

...А *почему* же нет? ... пришел узнать, не *прикажете* ли *цего* купить (посредник Моисей из романа «Леонид, или некоторые черты из жизни Наполеона») [Фризман 2015, 62–63].

Также находим у И.И. Лажечникова:

А *что* они *кричат*? — отвечал жид. — По-немецки это *значило* бы: здравствуйте, дорогие гости! («Басурман»); Мы, *нецестивые* евреи, распинали вашего Христа! («Последний новик») [Фризман 2015, 68–69].

Этот прием использует и писатель Н. Андреев в очерке «Софиевка» 1833 г.: «Извольте-с выходить, *васе-с* благородие! Вы в Софиевке!» [Вайскопф 2008, 151].

В 1860–1870-е гг. мы встречаемся с фонетической заменой у М.Е. Салтыкова-Щедрина: «И *сто* же это такое! И *зацем* мне эта *весь*!» («Пропала совесть»; 1869); у И.С. Тургенева: «Как же *можно*, *васе* благородие! Я *цестный зид*...» («Конец Чертопханова»; 1872) и у Н.А. Некрасова: «К *насей* финансовой матери»; у него также подчеркивается гиперартикуляция [р]: «и поживайте как – *царrrr*!» («Современники»; 1875). Конечно, нельзя не упомянуть и Ф.М. Достоевского, у которого эпизодический еврейский персонаж с характерным выговором становится участником одной из центральных сцен «Преступления и наказания» – сцены самоубийства Свидригайлова:

На лице его виднелась та вековечная брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени.

Оба они, Свидригайлов и Ахиллес, несколько времени, молча, рассматривали один другого. Ахиллесу наконец показалось непорядком, что человек не пьян, а стоит перед ним в трех шагах, глядит в упор и ничего не говорит.

— *А-зе, сто-зе вам и здесь на-а-до?* — проговорил он, всё еще не шевелясь и не изменяя своего положения.

— Да ничего, брат, здравствуй! — ответил Свидригайлов.

— *Здесь не места.*

— Я, брат, еду в чужие края.

— В чужие края?

— В Америку.

— В Америку?

Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.

— *А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!*

— Да почему же бы и не место?

— *А потому-зе, сто не места.*

— Ну, брат, это всё равно. Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку. Он приставил револьвер к своему правому виску.

— *А-зе здесь нельзя, здесь не места!* — встрепенулся Ахиллес, расширяя всё больше и больше зрачки. Свидригайлов спустил курок.

Среди **лексических** средств выделим следующие.

- Полонизмы, вплетаемые в русскую речь: «Мы *маем* всякого товару... Цто люди *мосцные* приказут, то мы, *падам до ног*, робим», «узнал, цто вас полк здесь на *квартирже*» (Р.М. Зотов. «Леонид»; 1832) [Фризман 2015, 62–63].

- Идишизмы, среди которых первенство принадлежит хрестоматийному «*вэй мир!*».

Так, И.И. Лажечников поясняет: «Я старался в переводе Авраамовой речи удержать несколько жидовский выговор русского языка», и получается: «*О вей, о вей!* Не знаю, как и *помощь*» («Последний новик»; 1831–1833) [Вайскопф 2008, 149].

«Жид, подошед к Палею... завопил жалобно: “*Аи вей, аи вей!*”» (Ф.В. Булгарин. «Мазепа»; 1833–1834). Это восклицание явно нравится писателю: «Утешьтесь, тени Мовши, Рифки, Хацкеля и Иоселя! Утешьтесь, вы отмщены, и я вопию: “*Ой вей, ой вей мир!*”» (Ф.В. Булгарин. Ответ Вильгельму Вольфсону в «Северной Пчеле»)

[Вайскопф 2008, 76]. Булгарин, как это ему свойственно, использует идишизм в стилистической игре: здесь и пародийное использование еврейской речи, призванное показать обиду на несправедливые нападки (Булгарина обвиняли в юдофобии), и в то же время сарказм (автор словно примеряет на себя личину им же высмеиваемых персонажей).

Писатели наделяют своих персонажей речью с отдельными **ошибками словоупотребления**: «Это не еврейское дело, – говорил он с глубоким убеждением, – и к чему евреи должны путаться в чужую свадьбу? Конституция, может быть, будет, может быть, нет, я не знаю. Но что будет погром, это я знаю *навверняках*» (персонаж Репетур из рассказа А. Яблоновского «Переплетчик»; 1911).

Евреи пересыпают свою речь **просторечиями**. «И такой сегодня для меня счастливый день! Ах, да что же я *таперичка* должен делать! Иван Иваныч! Отец Христофор!..» – говорит Мойсей Мойсеич из повести А.П. Чехова «Степь» (1888).

Среди редко встречающихся средств – введение в речь персонажей **абракадабры**. «Зух Раббин, Каин, Абель!» – бормочет нелепые псевдозаклинания шинкарь и вымогатель Ицка Немировский в сомовских «Сказках о кладах» [Вайскопф 2008, 169].

Наконец, необходимо отметить своего рода прием остранения в восприятии еврейской речи неевреем, при котором речь персонажа-еврея передается **звукоподражаниями**. Приведем примеры из «Степи» Чехова.

Соломон голосом глухим и силым от душившей его ненависти, картавя и спеша, заговорил об евреях; сначала говорил он правильно, по-русски, потом же впал в тон рассказчиков из еврейского быта и стал говорить, как когда-то в балагане, с утрированным еврейским акцентом.

(отец Христофор): Я тебе по-стариковски, потихоньку, а ты, как индюк: *бла-бла-бла!*

Мойсей Мойсеич говорил вполголоса, низким баском, и в общем его еврейская речь походила на непрерывное «*гал-гал-гал-гал...*», а жена отвечала ему тонким индюшечьим голоском, и у нее выходило что-то вроде «*ту-ту-ту-ту...*»

– *Гал-гал-гал-гал...* – говорил Мойсей Мойсеич.

– *Ту-ту-ту-ту...* – отвечала ему еврейка.

Используются **грамматические** и **стилистические** средства.

• Путаница падежных окончаний

– Четверть часика! – взвизгнул Мойсей Мойсеич. – Да побойтесь вы Бога, Иван Иваныч! Вы меня заставите, чтоб я ваши *шапке* спрятал и запер на замок дверь! Вы хоть закусите и чаю покушайте!

– Кушай, детка, кушай! – сказала она. – Ты здесь без *маменьке*, и тебя некому покормить.

Я теперь жид пархатый и нищий, все на меня смотрят, как на *собаке* (А. П. Чехов. «Степь»).

• Разные функции одного и того же слова в прагматике речевой ситуации

– Мы никогда еще ... не снюхивались с неприятелями, а католиков мы и знать не хотим: пусть им черт приснится! *мы с запорожцами как братья родные...*

– Как? чтобы *запорожцы были с вами братья?* – произнес один из толпы. – *Не дожждетесь, проклятые жида!* В Днепр их, панове, всех потопить, поганцев! (Н.В. Гоголь. «Тарас Бульба»).

– Что ж ты делал в городе? видел *наших?*

– Как же, *наших* там много: Ицка, Рахум, Самуйло, Хайвалох, еврей-арендатор...

– Пропади они, собаки! – вскрикнул, рассердившись, Тарас. – Что ты мне тычешь *свое* жидовское племя! Я тебя спрашиваю про *наших* запорожцев (Н.В. Гоголь. «Тарас Бульба»).

• Повторение вопросов, нанизывание эпитетов, восклицаний

– О вей! – закричал жид. – Ясновельможный пане, выслушай!.. Я тебе скажу *большое дело... важное дело... весьма тайное дело...* Только помилуй... пожалей жены и сирот!

– А если скажу, то *помилуешь ли меня?* – сказал жид, дрожа и плача...

– Ясновельможный пане! – возопил жид. – Ты не выслушал меня... я не успел сказать тебе важного дела... Постой... выслушай!..

– А *помилуешь ли меня,* – возразил жид, трепеща от ужаса, – *оставишь ли мне жизнь?..* (Ф.В. Булгарин. «Мазепа»).

• В зависимости от контекста приобретает комичность тенденция к русификации имен и отчеств

Нет, я честной еврей...

Який я жид и почему Иуда?

Я *Лейба Лазарич* (А.А. Шаховской. «Игроки»; 1828) [Вайскопф 2008, 153].

В данном случае (как и в других, когда действующим лицом оказывается некто *Лейба*) М.Я. Вайскопф усматривает намек на просветителя *Лейбу* Неваховича, одного из первых русско-еврейских литераторов, русифицировавшего свое имя и ставшего «Львом Николаевичем» [Вайскопф 2008, 153]. Заметим, впрочем, что над русификацией имен посмеивались позже и сами еврейские авторы. Так, незадачливый герой комедии Шолом-Алейхема «Двести тысяч», портной Шимеле Сорокер, обманутый мошенниками, горделиво заявляет: «Нит Шимеле – *Семьон Макарович* из майн номен!»

Внимание к особенностям самого **речевого поведения**, вне его лексического и грамматического наполнения. При этом, как правило, описываются мимика, жестикуляция, особенности артикуляции.

Он *заметался*, как пойманный зверок, *разинул рот, глухо захрапел...* запрыгал на месте... (И.С. Тургенев. «Жид»; 1847).

...повсеместное *щebetанье* неутомимых, всезнающих и везде поспевающих жидков (Е.А. Ган. «Теофания Аббадджо»; 1841).

Жид-нищий-фактор и жид-значительный-купец *хватались за вас*, друг за друга, *кричали, шумели, обманывали друг друга, обманывали самих себя* (В.П. Титов. «Стоянка около Бердичева»; 1837).

Рядом с моим №... два богатых жиды, мать и ее сын, 25-летний жиденок... с утра до ночи говорят друг с другом, *громко, долго, беспрерывно... и не как люди, а по целым страницам* (по-немецки или по-жидовски), точно книгу читают: и все это с *сквернейшей жидовской интонацией...* (Ф.М. Достоевский. Письмо А.Г. Достоевской из Эмса от 26.07.1879).

Третье приключение с жиды моими соседями... Четверо суток как я сидел и терпел их разговоры за дверью (мать и сын), *разговаривают страницами*, целые томы разговора..., а главное – *не то, что кричат*,

а *визжат, как в кагале...* (Ф.М. Достоевский. Письмо А.Г. Достоевской от 30.07.1879).

– Ах, боже мой, боже мой! – заговорил он *тонким певучим голосом, задыхаясь, суетясь и своими телодвижениями мешая пассажирам вылезти из брочки...* закричал таким *диким, придушенным голосом, как будто тонул и звал на помощь...* (А.П. Чехов. «Степь»).

Жаргонный говор, то стремительный и раскатистый в середине фраз, то завывающий на окончаниях, несся отовсюду, сопровождаемый яркой мимикой и оживленными, преувеличенными жестами... кто-то застучал ладонью по столу, как это часто делают в синагоге (А.И. Куприн. «Трус»).

В другом месте, в письме к Ф.Д. Батюшкову, Куприн снова вспоминает о «жаргоне»: «Эх! Писали бы вы, паразиты, на своем *говенном жаргоне* и читали бы сами себе вслух свои вопли...» [Фризман 2015, 184].

Н.А. Некрасов, поясняя, что он «слог исправил для ясности», воспроизводит в «Современниках» строй речи, характерный, по мнению писателя, для говорящих по-русски евреев:

Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте паи,
Деньги пошлите в Америку.
<...>
Денежки – добрый товар, –
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте как – *царрр!*..

Думается, звучание этого «хора» из поэмы с прямолинейным подзаголовком «Еврейская мелодия» задумывалось с пародийным еврейским акцентом.

Итак, русская литература выработала довольно широкий набор средств для характеристики персонажей-евреев, и многие из этих средств способствуют созданию или усилению комического эффекта.

* * *

Некоторые наблюдения над соседней литературной традицией – украинской, – с одной стороны, как будто подтверждают данные русского материала: «...дикими завиваннями, мов вовки»; «Дай, дай, дай! І тільки нам, а всі чужі притулки зруйнуй...» (Ганна Барвинок. «Жидівський кріпак: Уривок із подорожжя»; 1847) [Шкандрій 2019, 63]. С другой стороны, героиня рассказа Панаса Мирного «Жидівка», Лия, хорошо говорит по-украински; то же самое наблюдается в пьесах «Юрко Довбуш» Михаила Старицкого и «Жидівка-вихрестка» Ивана Тогобочного. Если же персонажи-евреи говорят с акцентом, как Шломо и Гершко из пьесы Марко Кропивницкого «Олеся», то это является знаком их пришлости и нацеленности на легкую наживу [Шкандрій 2019, 100].

Интересным экспериментом можно признать опыт Ивана Франко. Описывая миллионера Германа Гольдкремера (повесть “*Voas constrictor*”, 1878), писатель отказывается от фонетического или грамматического искажения украинской речи, как и от использования немецкого языка или идиша (на этих языках обычно говорили галицийские евреи). Он изобретает специальный язык, вплетая в общепонятную украинскую речь адаптированные гебраизмы, и передает внутренние философско-медитативные монологи (еврейский предприниматель говорит «по-ученому», отдаляясь от окружающего народа не только по национально-религиозному признаку, но и по социальному).

* * *

В заключение предложим несколько направлений развития этих наблюдений. Предполагаем, что сопоставление с польским литературным материалом (в частности, прозой Б. Пруса)¹ как традицией с давним антиеврейским пафосом могло бы стать продуктивным; как не раз отмечалось, русскому малообразованному человеку казался смешным всякий выговор, который он считал «нерусским». Речевая характеристика других чужестранцев, «инородцев», в особенности немцев, в этом аспекте давно и прочно закрепилась в русской литературе как пародийная, и ее можно сравнивать с отмеченными фак-

¹ Автор благодарит за это указание В.В. Мочалову.

тами; наконец, типологически близки к описываемым речевым явлениям социолекты других групп, или страт, русского общества той поры: тех самых портных, мелких торговцев, извозчиков, упомянутых в начале статьи, но также и мастеровых, дворников, трубочистов и т.д. Занимая свою нишу в «перенаселенном» пространстве русской литературы XIX в., персонажи-евреи обретают голоса, продиктованные литературной традицией, непосредственными наблюдениями авторов и их предубеждениями.

Литература и источники

- Вайскопф 2008 – *Вайскопф М.* Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2008. 382 с.
- Кормилов 2016 – *Кормилов С.И.* Двести лет – вместе? Леонид Фризман. Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков: Фолио, 2015 // Знамя. 2016. № 1. <https://znamlit.ru/publication.php?id=6170> (дата обращения: 15.03.2021).
- Фризман 2015 – *Фризман Л.Г.* Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков: Фолио, 2015. 506 с.
- Шкандрий 2019 – *Шкандрий М.* Євреї в українській літературі. Зображення та ідентичність. Київ: Дух і літера, 2019. 352 с.

“And live like a Tsarr!..”: Comic Tools of Speech Features of the Jews by Russian Writers of the 19th Century

Konstantin Bondar

The Open University of Israel,
Raanana, Israel

Part-time lecturer, PhD
ORCID: 0000-0002-8751-1641
The Open University of Israel,
Israel, 4353701, Raanana, Derekh ha-Universita, 1
Tel.: +972-52-636-66-20
E-mail: kobonko2013@gmail.com

Abstract: The author pays attention to comic speech tools in the description of Jewish characters by Russian writers of the 19th century. Among them phonetic (replacing hushing sounds with sibilants), lexical (using of Polonisms, Yiddish-

isms, dialect or vernacular words), grammar (disturbance of declensional control), stylistic (collisions of different intentions of participants in speech situations, homonymic games, etc.) tricks. Taken together, they participate in the creation of a special sociolect of Russian literature, along with other social or national argots.

Keywords: *Russian Literature, comic, images, Jews, speech tools*

References

- Frizman, L.G., 2015, *Takaia sud'ba. Evreiskaia tema v russkoi literature* [Such a fate. Jewish theme in Russian literature]. Kharkiv, Izdatel'stvo Folio, 506.
- Kormilov, S.I., 2016, Dvesti let – vmeste? Leonid Frizman. Takaia sud'ba. Evreiskaia tema v russkoi literature [Two hundred years together? Leonid Frizman, Such a fate. Jewish theme in Russian Literature]. *Znamya*, 1, 225–229.
- Shkandrii, M., 2019, *Evrei v ukrains'kii literaturi. Zobrazhennia ta identychnist'* [Jews in Ukrainian literature. Representation and identity]. Kyiv, Izdatel'stvo Duch i Litera, 352.
- Weisskopf, M., 2008, *Pokryvalo Moiseia. Evreiskaia tema v epokhu romantizma* [The Veil of Moses. The Jew in Russian Letters in the Age of Romanticism]. Moscow, Mosty kul'tury, Jerusalem, Izdatel'stvo Gesharim, 382.